

Курды и курдский вопрос

Михаил Лазарев

Курды компактно населяют в основном историческую область Курдистан на юго-западе азиатского материка, которая занимает смежные территории юго-восточной Турции, северо-западного Ирана, северного Ирака и северной Сирии. Значительное число курдов проживает в диаспоре (главным образом в других странах Ближнего Востока, в Западной Европе и в СНГ). В настоящее время курды самый крупный этнос мира (до 30 млн.), лишенный права на самоопределение и государственный суверенитет. Курдистан богат природными ресурсами, занимает ключевое геополитическое и геостратегическое положение в ближневосточном регионе, а всенародная борьба курдов за национальное освобождение делает курдский вопрос одной из самых острых и актуальных проблем мировой политики.

Географическое положение и природа. Особенностью географического положения Курдистана является отсутствие четких физических и юридически фиксированных политических границ. Название Курдистан (буквально – «страна курдов») относится не к государству, а исключительно к этнической территории, в которой курды составляют абсолютное или относительное большинство населения и географические координаты которой не могут быть точно определены, поскольку они носят сугубо оценочный характер. Очертания этой территории вследствие исторических катаклизмов неоднократно менялись главным образом в сторону расширения курдофонного ареала.

Современный Курдистан расположен в самом центре западноазиатского (ближневосточного) региона примерно между 34 и 40° северной широты и 38 и 48° восточной долготы. Он занимает приблизительно всю центральную часть воображаемого четырехугольника, на северо-западе и юго-западе ограниченного Черным и Средиземным морями, а на северо-востоке и юго-востоке Каспийским морем и Персидским заливом. С запада на восток территория Курдистана простирается приблизительно на 1 тыс. км., а с севера на юг – от 300 до 500 км. Его общая площадь составляет примерно 450 тыс. кв. км. Свыше 200 тыс. кв. км. входит в состав современной Турции (Северный и Западный Курдистан), свыше 160 тыс. кв. км. – Ирана (Восточный Курдистан), до 75 тыс. кв. км. – Ирака (Южный Курдистан) и 15 тыс. кв. км. – Сирии (Юго-Западный Курдистан).

Физическую географию Курдистана, исторической колыбели курдского народа, формировала его главная ландшафтная особенность – горный рельеф. Курдистан вдоль и поперек изрезан хребтами Армяно-Курдского нагорья (в Турции крупнейшие – Внутренний и Восточный или Армянский Тавр, Курдистанский хребет, в Иране и Ираке – горная система Загрос). Некоторые вершины курдских гор превышают 3–4 тыс. м. Не имея выхода к морю, Курдистан богат гидроресурсами: на его территории протекают крупнейшие в Юго-Западной Азии реки Тигр и Евфрат в их верхнем и частично среднем течении и находятся также самые крупные озера (солёные) Ван и Урмия. Хотя Курдистан почти целиком находится в субтропической зоне, климат его основной горной части резко континентальный с большими перепадами зимних и летних температур и обильными снегопадами, делающими зимой многие горные перевалы непроходимыми.

Главным из природных богатств Курдистана являются нефть. Особую ценность имеют нефтяные поля Киркука (Иракский Курдистан) не столько по объёму разведанных запасов, сколько по исключительной продуктивности скважин и географическому положению месторождений, обеспечивающих дешевизну и удобство добычи и транспортировки сырой нефти в Турцию и порты Средиземного моря. Значительные нефтяные месторождения эксплуатируются в других районах Иракского (к северу от Мосула, и в районе Ханекина), Иранского (под Керманшахом), Сирийского и Турецкого (в треугольнике Гарзан – Гермик – Раман) Курдистана.

Недра Курдистана богаты и другим минеральным сырьем. В его турецкой части разрабатываются имеющие мировое значение месторождения хромовой руды, а также медной и железной руд. В иракской части недавно открыты богатые месторождения урановых руд. Гидросистема Курдистана, представленная Тигром, Евфратом и другими многочисленными горными реками, содержит не только громадный энергетический потенциал (только в его турецкой части до 90 млрд. киловатт-часов), но и неисчерпаемый резерв остро дефицитной на Ближнем Востоке пресной воды.

Обилие тепла, воды, плодородные лёссовые почвы в равнинной части страны создают благоприятные условия для произрастания лесов, разнообразных сельскохозяйственных культур (особенно пшеницы, табака, винограда, фруктов и т.п.), а также разведения мелкого рогатого скота на богатых альпийских пастбищах.

Этнодемографический очерк. Несмотря на преимущественно горный рельеф, благодаря плодородным долинам и ущельям Курдистан по плотности населения достигает среднего показателя по Азии (около 50 человек на кв. км). По приблизительным оценкам население Курдистана в настоящее время приближается к 30 млн. Не меньшую цифру составляет численность самих курдов, включая проживающих вне этнического Курдистана.

По основным этническим признакам, в первую очередь языковым, курдская нация весьма неоднородна. Курдский язык в основном делится на две неравные группы диалектов, северную и южную, в каждой из которых сформировался свой литературный язык; в первой – курманджи, во второй – сорани. Около 60% курдов, обитающих в Турции, Северо-Западном и Восточном Иране, в Сирии, в части Северного Ирака и в СНГ говорят и пишут на диалектах курманджи (большой частью латинская, а также арабская графика), до 30% (Западный и Юго-Западный Иран, Восточный и Юго-Восточный Ирак) – на диалектах сорани (только арабская графика). Кроме того, среди курдов особой этноконфессиональной группы заза (ил Тунджели в Турецком Курдистане) распространен язык зазаки или дымли (латинская графика), а среди курдов Керманшаха в Иране – родственный ему гурани (арабская графика). На этих языках и диалектах развилась оригинальная литература и особенно богатейший и разнообразный фольклор; они широко используются в современных СМИ.

Хотя курдские языки и диалекты имеют свои грамматические особенности, подчас немалые, языковые различия в курдской этнической среде не столь велики, чтобы исключить взаимопонимание, особенно при устном общении. Сами курды им не придают большого значения, категорически не признавая за ними этноразделительной роли. К тому же в пределах одной страны многих из них объединяло двуязычие – знание и основного языка страны проживания (турецкого, персидского или арабского).

Роль религии в современном курдском обществе относительно невелика, особенно в сфере национальной идентификации. Подавляющее большинство курдов – мусульмане-сунниты (75% всех курдов), но суннитская ортодоксия, равно как и фундаменталистский ислам, мало популярны. Еще в недавнем прошлом традиционно были влиятельны дервишские (также суннитские) ордена накшбенди и кадири, теперь – гораздо меньше. Шииты, в большинстве сторонники шиитских сект ахл-и хакк или али-илахи, проживают в основном в Турции (там они известны под собирательным именем «алеви»), составляя от 20 до 30% курдофонного населения. Курды-заза сплошь ахл-и хакк. В Иране шииты населяют окрестности Керманшаха. Особую этноконфессиональную группу курдов образуют езиды (до 200 тыс.), исповедующие особый культ синкретического характера, вобравшие в себя, кроме элементов иудаизма, христианства и ислама, некоторые древневосточные верования. Езиды проживают дисперсно главным образом в Турции, Сирии, Ираке и в Закавказье.

Курды являются крупнейшим национальным меньшинством в Юго-Западной Азии вообще и почти во всех странах обитания, за исключением Ирана, где они уступают азербайджанцам. Среди курдов отмечается высокий естественный прирост населения –

около 3% в год, что привело к значительному увеличению численности курдского этноса за последнее время.

Курды расселены в странах обитания неравномерно. Больше всего их в Турции (около 47%). В Иране курдов около 32%, в Ираке – около 16%, в Сирии – около 4%, в государствах бывшего СССР – около 1%. Остальные проживают в диаспоре. В самом этническом Курдистане курды составляют подавляющее большинство населения. Учитывая неопределенность и условность его границ в различных его частях курдов от 84 до 94%, по одним данным, от 72 до 79%, по другим.

На протяжении всего исторически обозримого времени этнический состав Курдистана неоднократно менялся благодаря бесчисленным кровавым катаклизмам, происходившим на его территории. Эти изменения происходят и теперь. Например, в Иракском и Сирийском Курдистане власти проводили целенаправленную политику замещения в стратегически важных пограничных районах курдского населения арабским. Это лишь одни из примеров наиболее одиозных проявлений грубого насилия по отношению к курдам. Курдская проблема в странах, разделивших Курдистан, продолжает стоять в самой острой форме.

Социально-экономические отношения

Курдские районы Турции, Ирана, Ирака и Сирии отличаются более низким уровнем развития экономики, социальных отношений и социальной организации общества, а также культуры в сравнении с этими странами, в целом, и с их самыми развитыми районами, в особенности. Объясняется это крайне неблагоприятными внутренними и внешними условиями, в которых находился курдский народ на протяжении всей своей многовековой истории, а главное отсутствием собственного национального государства.

Социальная организация курдского общества отчасти сохраняет архаичные черты с пережитками родоплеменных отношений, в рамках которой дает о себе знать феодальная система. Правда, в настоящее время в курдском социуме идет быстрое размывание традиционных социальных форм. В относительно развитых районах Курдистана остались только воспоминания о родоплеменных связях.

Всё же и в сравнительно отсталых районах Курдистана социально-экономический прогресс прокладывает себе дорогу. Подрываются экономические позиции и падает политическое влияние курдской светской и духовной знати, нарождаются и крепнут современные социальные структуры – торговая и промышленная буржуазия (городская и сельская), рабочий класс.

Прогрессивные изменения в курдском обществе создали базис для становления курдского национализма как идеологии, так и политики. В то же время сохраняющиеся пережитки традиционных социальных форм продолжают тормозить процесс модернизации этого общества.

Традиционная элита современного Курдистана, состоящая из выходцев из феодально-клерикальных и племенных кругов, до сих пор обладает заметным экономическим и, особенно, политическим и идейным влиянием. Правда, среди современных курдских лидеров немало деятелей демократического и левого направления. Более того, именно они делают погоду в социально-политическом климате курдского общества. Однако, продолжает сказываться влияние архаичных традиций, таких как религиозная рознь, племенной партикуляризм и местничество, сословные и династические предрассудки, гегемонистские притязания и вождизм. Отсюда и такие негативные явления в общественно-политической жизни, как политическая неустойчивость, междоусобные распри и т.п.

Зримые черты отсталости в общественных отношениях в значительной мере происходят из архаичного и малопродуктивного экономического базиса, который к тому же в настоящее время находится в кризисном состоянии переходности от старых

докапиталистических форм к современным.

Пришло в упадок отгонное скотоводство (с сезонными перекочевками, главным образом «по вертикали», летом на горные пастбища, зимой – в долины), основа традиционной экономики сельского населения, а интенсивные методы ведения сельскохозяйственного производства прививаются с трудом. Промышленность и инфраструктура развиты в Курдистане слабо и не создали достаточное количество рабочих мест для разорившихся крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Лишенные средств существования курды устремляются в города развитых районов стран обитания, а также за границу. Там курдский пролетариат занят преимущественно неквалифицированным и малоквалифицированным трудом, подвергаясь особенно сильной эксплуатации. Словом, курдские районы являются отсталой периферией во всех странах, разделивших Курдистан. Характерно, что даже там, где в последние десятилетия наблюдался обильный приток нефтедолларов (Ирак и Иран, нефтяные богатства которых в значительной степени расположены в Курдистане и в сопредельных с ним районах), заметно значительное отставание в развитии курдских окраин от территорий, населенных господствующими национальностями.

В самом Курдистане уровень экономического развития в различных районах неодинаков. До начала 70-х гг. быстрее развивалась экономика Турецкого Курдистана, как и всей Турции, хотя уже с 60-х ее стал догонять по темпам экономического развития Иран. После резкого повышения мировых цен на нефть в 1973 в выгодном положении очутились Иран и Ирак, а потом и Сирия. Хотя курдские районы Ирана и арабских стран получили относительно мало выгоды от нефтяного бума, всё же поток нефтедолларов несколько подстегнул их экономику.

Таким образом, социально-экономическим отношениям современного Курдистана присущи две главные проблемы: преодоление отсталости и неравномерности в развитии в отдельных его частях. Неразрешенность этих проблем отрицательно влияет на процесс национальной консолидации курдского народа и на эффективность его борьбы за свои национальные права.

Страницы истории

Курды – основное и притом автохтонное население современного Курдистана, один из древнейших народов Передней (Западной) Азии. Первоначальный очаг этногенеза курдов находится в Северной Месопотамии, в самом центре исторического и современного Курдистана. Этот процесс начался примерно в IV тысячелетии до н. э. и занял не менее трех тысячелетий, причем его участников (хурритов или субарейцев, кутиев, луллубеев, касситов, кардухов) можно считать лишь отдаленными предками курдов. Их же непосредственные предки ираноязычные (особенно мидийские) пастушеские племена появились на исторической арене в середине I тысячелетия до н.э., когда начался процесс этнической консолидации собственно курдской народности, в котором первоначально участвовали и семитские элементы. Этот процесс, начавшийся в рамках древнеперсидской цивилизации (в VI–IV вв. до н.э. в эпоху Ахеменидских царей), продолжился при парфянских Аршакидах и завершился при поздних Сасанидах, уже в середине I тысячелетия н.э. К моменту арабского завоевания Ирана и падения Сасанидской державы (середина VII в. н.э.) курдский этнос уже вполне сформировался и началась собственно курдская история. Однако этноконсолидационный процесс у курдов не была завершен, позже в него включались другие этнические элементы (в особенности тюркские), и он продолжается до сих пор.

Формирование курдской народности, а позже и нации, не сопровождалось как у большинства других народов становлением государственности, тенденцией к объединению в единое централизованное государство. Этому помешали в первую очередь исключительно тяжелые внешние условия, в которых очутился курдский народ во время и после арабского завоевания и сопровождавшей его насильственной исламизации. Курдистан, благодаря

своему центральному геостратегическому положению на ближневосточной арене, стал постоянной ареной бесконечных войн, грабительских набегов кочевников, восстаний и их террористических усмирений, которыми изобиловала военно-политическая история региона в эпоху халифатов (VII–XIII вв.), сопровождавшаяся бесконечными междоусобиями, и особенно опустошительных тюрко-монгольских нашествий (XI–XV вв.). Свободолюбивые курды, оказывая яростное сопротивление поработителям, несли огромные и безвозвратные людские и материальные потери, истощавшие силу народную (включая недобровольную «дань кровью» в лице высоко ценимых на Востоке своих воинов, сражавшихся часто за чужие интересы).

В этот период курды неоднократно предпринимали попытки добиться самостоятельности для отдельных крупных племенных объединений, возглавляемых наиболее влиятельными и знатными вождями, претендовавшими на основание собственных династий. Некоторые из них владели относительно продолжительное время обширными территориями на правах фактически суверенных государств. Таковы были Хасанвайхиды, властители обширного района в Юго-Восточном Курдистане в 959–1015, Марваниды, правившие в Юго-Западном Курдистане (район Диарбекира и Джазиры) в 985–1085, Шаддадиды (951–1088), чьи владения находились в Закавказье, наконец Айюбиды (1169–1252), также выходцы из Закавказья, покорившие Египет, Сирию, Палестину, Йемен, Центральный и Юго-Восточный Курдистан, наиболее знаменитым представителем которых был победитель крестоносцев султан Салахеддин (Саладин) (1169–1193).

Однако ни одна из курдских династий не оказалась долговечной и не смогла превратить подвластную ей территорию в национальный очаг курдской государственности. В империи Саладина, например, большинство населения составляли не курды, а арабы, а войско состояло в основном из тюрок. Идея национально-государственного единения еще не могла в то время распространиться и получить действительную поддержку среди курдов, разделенных по племенам и мелким феодальным владениям.

Начало XVI в. – важнейший рубеж в курдской истории. Османская империя, захватившая к тому времени весь Арабский Восток (а вскоре и Запад), и Иран, где шиитская династия Сефевидов объединила всю страну, поделили между собой весь Курдистан, примерно 2/3 которого отошли к туркам, нанесшим персам сокрушительное поражение под Чалдыраном в 1514. Произошел, таким образом, первый раздел Курдистана по линии турецко-иранской границы, которая с тех пор стала границей войны. Турция и Иран в течение последующих четырех столетий бесконечно воевали между собой за полное господство над этой стратегически ключевой страной, открывающей пути для экспансии во всех направлениях и сама представляющая собой естественную крепость благодаря своему горному рельефу и воинственному населению. В конечном итоге турецко-иранские войны оказались безрезультатными, ибо и нынешняя граница в основном осталась та же, что и после Чалдыранской битвы. Но национальному развитию курдов они причинили огромный ущерб. Курдские земли периодически подвергались опустошению, народ, попеременно вовлекаемый в военные действия на стороне или турок или персов (а нередко тех и других одновременно) нес большие людские потери (в том числе и мирное население). Такая ситуация лишала курдов надежды на объединение их родины.

Положение курдов в Османской империи и в шахском Иране было двойственным. С одной стороны, они вместе со всем населением этих деспотических монархий испытывали произвол и гнет властей, отягощенные повинностью приносить тяжкие жертвы кровью на алтарь бесконечных приграничных войн. С другой стороны, и в Турции, и в Иране в курдских провинциях сложилась своеобразная система вассалитета, когда реальное управление на местах осуществляли не правительственные чиновники, а сами курдские племенные вожди и феодально-теократическая верхушка – беи, ханы, ага, шейхи – в обмен на лояльность по отношению к центральной власти. Существование в течение продолжительного времени этого своеобразного буфера в системе центр – курдская

периферия частично облегчало положение курдских народных масс, служило противоядием ассимиляции курдов турками, персами, арабами, способствовало сохранению и укреплению курдским народом своей национальной идентичности. Однако непосредственное подчинение курдов власти своей феодально-племенной элиты приводило и к серьезным отрицательным последствиям: консервации традиционных социально-экономических отношений в курдском обществе, тормозящих его естественную эволюцию в прогрессивном направлении. Вместе с тем отдельные организуемые и возглавляемые курдской верхушкой крупные сепаратистские выступления (например, в Юго-Восточном Курдистане – Арделане во второй половине XVIII в.) расшатывали абсолютистско-деспотические режимы в Турции и Иране и создавали предпосылки для последующего подъема там в XIX – начале XX вв. всенародного национально-освободительного движения.

Выступления курдов против гнета турецких султанов и иранских шахов происходили на фоне глубокого кризиса и упадка Османской империи и Ирана. С начала XIX в. Курдистан непрерывно потрясали мощные восстания. В первой половине XIX в. главной ареной курдского движения был Южный и Юго-Западный Курдистан (исторические области Бахдинан, Соран, Джазира, Хакяри). Оно было жестоко подавлено (так называемое «вторичное завоевание» Курдистана турками). В 1854–1855 почти весь Северный и Западный Курдистан был охвачен восстанием Езданшира, в конце 1870 – начале 1880-х в Юго-Западном Курдистане, в районе турецко-иранской границы и в Северо-Восточном Курдистане произошло наиболее крупное и организованное восстание курдов, один из вождей которого, шейх Обейдулла, поставил несбыточную тогда цель создания независимого объединенного Курдистана. Несколько крупных выступлений курдов отмечено в Турции в эпоху Младотурецкой революции 1908–1909, во время Иранской революции 1905–1911 и накануне Первой мировой войны. Все они были подавлены.

Подъемом курдского движения в Турции и Иране пытались воспользоваться в первую очередь Россия и Англия, а с конца века и Германия, стремившиеся к установлению своего политического и экономического влияния над ними. На рубеже XIX–XX вв. появились первые ростки курдского национализма как идеологии и как политики: его носителями стали курдская пресса и зачатки курдских политических организаций.

Второй раздел Курдистана и борьба за его независимость и объединение. После Первой мировой войны державы Антанты произвели передел азиатских владений Османской империи, входившей в побежденный Четверной Союз, в том числе и принадлежавшей ей части Курдистана. Его южная часть (Мосульский вилайет) была включена в Ирак, мандат над которым от имени Лиги Наций получила Англия, юго-западная (полоса вдоль турецко-сирийской границы) – вошла в Сирию, подмандатную территорию Франции. Таким образом, разделенность Курдистана удвоилась, что значительно осложнило борьбу курдов за самоопределение и сделало геополитическое положение страны более уязвимым за счет усиления вмешательства западных колониальных держав в дела курдского региона. Открытие крупнейших запасов нефти сперва в Южном Курдистане и начало ее добычи там в 1930-х гг., а вскоре и в других близлежащих регионах Арабского Востока, еще более актуализировало значение курдского вопроса для империалистических держав особенно в связи с бурным подъемом национально-освободительного движения во всем Курдистане.

В 20-х – 30-х годах XX в. по Турции, Ираку и Ирану прокатилась волна курдских восстаний, главное требование которых было объединение всех курдских земель и создание «Независимого Курдистана» (восстания под руководством шейха Саида, Ихсана Нури, Сеида Резы – в Турции, Махмуда Барзанджи, Ахмеда Барзани, Халила Хошави – в Ираке, Исмаила-ага Симко, Салара од-Доуле, Джафар-Султана – в Иране). Все эти разрозненные и неподготовленные выступления потерпели поражения от превосходящих сил местных правительств (в подмандатных Ираке и Сирии поддержанных Англией и Францией). Молодой курдский национализм (его главный штаб в то время – комитет «Хойбун» («Независимость»)) и в военном, и в организационно-политическом отношении был

слишком слаб, чтобы противостоять своим противникам.

Во время Второй мировой войны в советской зоне оккупации Ирана были созданы условия для активизации демократического крыла курдского сопротивления. Вскоре после окончания войны там была провозглашена первая в истории курдская автономия во главе с Кази Мохаммедом со столицей в Мехабаде, начавшая проводить (на довольно ограниченной территории к югу от оз. Урмия) демократические преобразования, но она просуществовала всего 11 месяцев (до декабря 1946), утратив советскую поддержку в обстановке начавшейся «холодной войны», которая оказала решающее влияние на внутреннюю ситуацию в Курдистане в течение последующих четырех с половиной десятилетий.

Курдское движение в эпоху холодной войны. Курдистан из-за своей географической близости к СССР рассматривался на Западе как естественный антисоветский плацдарм, а его основное население – курды в силу своей общеизвестной традиционно прорусской и просоветской ориентации, как естественный резерв Москвы в случае возможных осложнений на Ближнем Востоке, народы которого усилили борьбу против империализма и колониализма. Поэтому к курдскому национальному движению тогда на Западе относились с подозрением или прямо враждебно, а к антикурдской шовинистической политике правящих кругов ближневосточных стран – союзников стран НАТО и членов его ближневосточного ответвления – Багдадского пакта (потом СЕНТО) благосклонно. По этой же причине в Советском Союзе относились к зарубежным курдам как к потенциальным союзникам и неофициально поддерживали левоориентированные курдские движения и партии, такие как возникшие сразу после войны «Демократическая партия Иранского Курдистана» (ДПИК), «Демократическая партия Курдистана» (ДПК) в Ираке и их аналоги примерно под тем же названием в Сирии и Турции.

После падения курдской автономии в Мехабаде (которому предшествовало поражение курдского восстания в Ираке в 1943–1945, возглавлявшегося Мустафой Барзани, потом командующего вооруженными силами Мехабадской автономии и главной фигурой в общекурдском сопротивлении) в курдском движении некоторое время наблюдался спад, хотя и отмечено несколько крупных выступлений, например крестьянское восстание в Мехабаде и Бокане (Иранский Курдистан). Только на рубеже 1950-х – 1960-х гг. появились предпосылки для нового крутого подъема курдского национального движения.

Главным стимулом для его бурного возрождения стал быстро развивавшийся со второй половины 50-х кризис почти во всех странах Ближнего Востока, вызванный обострившимся противоборством между арабским (а также в значительной и мусульманским) миром и Израилем и стремлением двух противостоящих друг другу в мире военно-политических блоков использовать его в своих интересах, для ослабления вероятного противника. При этом если Запад стремился сохранить и по возможности укрепить свои имперские позиции в регионе (в первую очередь над нефтью), то СССР и его союзники активно поддерживали резко активизировавшийся местный национализм, принявший явно антизападное направление. В Египте, Сирии, Ираке пали прозападные марионеточные режимы. В такой ситуации набиравший силу курдский национализм получил относительную свободу маневра и возможность открыто и самостоятельно выступить на ближневосточной и мировой арене, причем его основными противниками выступили региональные националистические режимы, проводившие в отношении своего курдского населения политику национального гнета и дискриминации.

Начало положили события в Иракском (Южном) Курдистане, который стал общекурдским центром национального движения. В сентябре 1961 там поднял восстание вернувшийся из эмиграции в СССР генерал Мустафа Барзани, вождь иракской ДПК. В скором времени курдские повстанцы (их называли «пешмерга» – «идущие на смерть») создали на северо-востоке Ирака, главным образом в горной его части, крупный освобожденный район – «Свободный Курдистан», очаг курдской независимости.

Противоборство между курдскими повстанцами и карательными войсками правительства длилось около 15 лет (с перерывами). В итоге сопротивление иракских курдов временно было сломлено, но не до конца, и победа правительства была не безусловной. Законом от 11 марта 1974 Багдад вынужден был пойти на создание курдского автономного района «Курдистан» и обещать ему определенные гарантии в области местного самоуправления, некоторых социальных и гражданских прав, равноправия курдского языка и т. п. Это был первый прецедент в современной истории Ближнего Востока, указывающий, что процесс официального признания права курдского народа на самоопределение начался.

Правда, захватившая власть в Ираке еще в 1968 году националистическая партия Баас («Социалистическая партия арабского возрождения») старалась выхолостить демократическое содержание сделанных еще в 1970 курдам уступок (которые их с самого начала не удовлетворили). Автономией фактически управляли присланные из Багдада марионетки и местные коллаборационисты. Враждебность правящих кругов Ирака к курдам особенно явно стала проявляться после установления в стране единоличной диктатуры террористического типа Саддама Хусейна, провозглашенного в 1979 президентом. Воспользовавшись развязанной им в 1980 агрессивной войной против Ирана, он организовал газовую атаку иракских ВВС на курдский город Халабджа (16 марта 1988); погибло свыше 5000 мирных жителей, искалечены десятки тысяч. Химическое оружие с целью устрашения курдов применялось и в других местах.

Таким образом, оставались причины, по которым возрождение курдского сопротивления в Ираке было неизбежным. Политические организации Иракского Курдистана постарались сделать выводы из неудач прошлого и преодолеть ослаблявшие их разногласия. В 1976 ранее отколовшаяся от ДПК во главе с Джалалом Талабани группа организовала вторую по влиянию партию иракских курдов «Патриотический союз Курдистана», которая пошла на союз с ДПК. В этом же году возобновилось повстанческое движение в Иракском Курдистане под руководством ДПК и ПСК. В 80-х иракские курды продолжали собираться с силами, готовясь к новым выступлениям.

Их собратья, сирийские курды, также активно выступали против режима национального бесправия и произвола, всегда существовавшего в Сирии и ужесточенного местными баасистами после захвата ими власти в 1963. В стране возникли курдские демократические партии (ДПК Сирии «аль-Парти» и др.), возглавившие борьбу курдского меньшинства за свои права. Диктаторский режим президента Хафеза Асада, установленный на рубеже 60–70-х, практически ничего не сделал для облегчения положения курдов, пытаясь в своей конфронтации с Анкарой и Багдадом использовать разногласия между различными курдскими партиями Сирии, Ирака и Турции, что нанесло ущерб единству курдского национального движения. В 1986 три главные курдские партии в Сирии объединились в «Курдский демократический союз».

После долгого перерыва возобновилась активная борьба курдов Турции против официальной политики непризнания самого существования в стране курдской национальности с вытекающими отсюда запретами в области языка, культуры, образования, СМИ, выступления против которых строго карались как проявление «курдизма», сепаратизма и т.п. Особенно ухудшилось положение турецких курдов после военного переворота 27 мая 1960, одним из главных предлогов для которого была предотвращение угрозы курдского сепаратизма.

Военная каста в Турции, занявшая (прямо или завуалированно) ключевые позиции в системе государственного управления и организовавшая два последующих государственных переворота (в 1971 и 1980), начала беспощадную борьбу с курдским движением с массовым применением судебных и внесудебных репрессий. Это привело только к активизации курдского сопротивления в Турции; в 60-х – 70-х возникли несколько курдских партий и организаций, действовавших подпольно, в том числе Демократическая партия Турецкого

Курдистана (ДПТК) и Революционно-культурные очаги Востока (РКОВ). В 1970 ДПТК объединила в своих рядах несколько мелких курдских партий и групп и выработала программу с широкими общедемократическими требованиями с предоставлением курдам «права самим определять свою судьбу». В 1974 возникла Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК), популярная среди курдской интеллигенции и молодежи. Одновременно курдские патриоты установили связи и взаимодействие с турецкими прогрессивными политическими силами.

К началу 80-х обстановка в Турецком Курдистане заметно обострилась. Курдские легальные и нелегальные организации, число которых всё время возрастало, усилили антиправительственную агитацию и переходили к насильственным действиям. Наибольшую популярность, особенно среди беднейших и социально неустроенных слоев курдского населения, приобрела Партия рабочих Курдистана (чаще говорят Рабочая партия Курдистана, РПК, курдская аббревиатура – ПКК), основанная Абдуллой Оджаланом в 1978. Это была левозэкстремистская организация, исповедующая марксизм-ленинизм маоистско-кастровского толка и отдающее предпочтение насильственным методам борьбы, в том числе и террористическим. Отдельные партизанские выступления, организованные ПКК, отмечены уже в конце 70-х – начале 80-х годов, а в 1984 партия открыто начала повстанческую борьбу против турецких властей и карательных органов в Восточной Анатолии.

С тех пор Турецкий Курдистан превратился в новый постоянный очаг напряженности на Ближнем Востоке. Ни одной из противоборствующих сторон не удавалось взять верх: курдам – добиться признания прав на самоопределение, Анкаре – сломить крепнущее курдское сопротивление. Многолетняя кровопролитная война против курдов усугубляла переживаемые Турцией экономические и политические трудности, порождала дестабилизирующий ее политическую систему правый экстремизм, подрывала международный престиж страны, препятствуя присоединению ее к европейским структурам. На курдское же движение, как в Турции, так и в других странах, повстанческая борьба под руководством ПКК и ее вождя Оджалана оказала противоречивое воздействие. Она повсеместно, на Востоке и в западном мире, вызывала широкие отклики среди демократически настроенных слоев населения, привлекла к активной борьбе трудовые слои населения, учащуюся молодежь, вообще способствовала распространению сведений о курдах и их борьбе, интернационализации курдского вопроса. В то же время этой партии и ее последователям были присущи авантюрная тактика, неразборчивость в выборе средств борьбы, неумение считаться с реальной обстановкой и искусственное забегание вперед, сектантство и гегемонизм ее руководства в выработке стратегической линии, что в конце концов привело ее к политической изоляции от других отрядов курдского движения и к поражению.

В Иране курдская проблема была не так накалена, но она постоянно обострялась с начала 60-х под влиянием социально-политической напряженности, возникшей в стране в ходе «белой революции» и событий в соседнем Иракском Курдистане. В 1967–1968 под руководством ДПИК вспыхнуло восстание в районе Мехабада, Бане и Сердешта, продолжавшееся полтора года и жестоко подавленное.

Несмотря на поражение, ДПИК не пала духом и развернула активную работу по выработке новой программы и устава партии. Был провозглашен основополагающий лозунг «демократия – Ирану, автономия – Курдистану», а тактика партии предполагала сочетание вооруженной борьбы с политическими методами, которые были нацелены на создания единого фронта всех оппозиционных диктаторскому режиму сил.

Иранские курды приняли активное участие в нараставшем в конце 70-х всенародном антишахском движении, завершившимся «исламской революцией», свержением шахской деспотии и провозглашением в начале 1979 «Исламской республики Иран», в действительности являющейся тоталитарной диктатурой шиитской «муллократии». Для

курдов, как и для всего иранского народа, эта «революция», в которой они не смогли проявить себя самостоятельной политической силой, способной отстоять свои национальные требования, обернулась контрреволюцией, диктатурой имама Хомейни и его приверженцев и преемников. Даже в религиозном аспекте этот режим средневекового типа была опасен для интересов курдского меньшинства, в подавляющем большинстве суннитского. Хомейнизм отрицал наличие в Иране национального вопроса, в том числе, конечно, и курдского, ставя его исключительно в рамки «исламской уммы» как уже решенный. Новая власть решительно отвергла проект ДПИК об административной и культурной автономии для курдов.

Разногласия уже весной 1979 переросли в вооруженные столкновения между силами курдского сопротивления (отряды ДПИК, курдской левой организации «Комала» и пришедшим им на помощь пешмерга из Ирака, левых формирований персов федаинов и моджахедов) и правительственными войсками, усиленными отрядами жандармерии, полиции и исламских штурмовиков из корпуса стражей исламской революции (КСИР). Летом 1979 бои между курдскими повстанцами и карателями происходили почти по всей территории Иранского Курдистана. ДПИК установила контроль над большей его частью, включая крупные города. В некоторых из них была установлена власть курдских революционных советов. Курдский религиозный лидер Эзедин Хосейни объявил даже джихад против центрального правительства. Одновременно руководители иранских курдов неоднократно призывали Тегеран к переговорам о мирном урегулировании конфликта и проведении в населенных курдами районах социально-экономических и политико-административных реформ. Правительство делало вид, что готово пойти на переговоры, но на самом деле готовилось к расправе над курдами. Осенью 1979 правительство, используя авиацию, артиллерию, бронетехнику, развернуло решительное наступление на курдских повстанцев и сумело оттеснить их в горы, где они начали партизанскую войну. Исламский режим развернул жесточайший террор в тех районах Курдистана, над которыми ему удалось восстановить свой контроль. Зверства карателей превосходили те, которые испытали курды при шахе.

Поражение иранских курдов в начале существования исламского режима во многом было вызвано отсутствием единства в курдском движении, традиционным курдским партикуляризмом. Особенно много вреда курдскому делу причинили левоэкстремистские силы в партиях «Комала», «Рызгари» и в других. Расколотой оказалась и сама ДПИК, чем воспользовались иранские власти, которые к середине 1980 закончили установление своего контроля практически над всей территорией Иранского Курдистана.

В 80-е годы курдское движение в Иране и Ираке переживало тяжелые времена. Ирано-иракская война (1980–1988) создала для него крайне неблагоприятную обстановку. Военные действия частично шли на территории Курдистана, курды несли немалые людские и материальные потери. Кроме того, обе воюющие стороны пытались заручиться поддержкой курдского населения противника, что служило и Тегерану, и Багдаду предлогом для антикурдских карательных мер (в том числе и таких вопиющих как упомянутая газовая атака в Халабдже). К началу 1990-х общая ситуация в Курдистане была крайне сложная и напряженная.

Курдский вопрос на современном этапе. Всемирно-исторические изменения, наступившие на рубеже 80-х – 90-х в связи с окончанием холодной войны и распадом СССР, прямо и косвенно отразились на внутреннем и международном положении Курдистана, на курдском национальном движении. Оно продолжало развиваться в той геополитической реальности, которая потребовала новых подходов в стратегии и тактике борьбы. Прежде всего это касалось ситуации в Иракском и Турецком Курдистане.

В 80-х, воспользовавшись войной с Ираном, режим Саддама Хусейна свел на нет все уступки, которые он прежде вынужденно сделал курдам. Автономный район стал полностью подвластен Багдаду. Проводились драконовские меры по изменению национального состава

автономии и по выселению курдов из пограничных деревень. Тотальный характер принял террор против всех курдов, заподозренных в антиправительственных действиях и настроениях. К началу 90-х годов, когда захват Кувейта Ираком в августе 1990 вызвал очередной острейший кризис на Ближнем Востоке, Иракский Курдистан был накануне нового крупного выступления курдов.

В Иране как при жизни Хомейни, так и после его смерти в 1989 г. курдское автономистское движение жестоко подавлялось; оно могло функционировать только в подполье и в эмиграции. Однако щупальцы террора доставали его повсюду. Так, в июле 1989 г. иранскими спецслужбами в Вене был убит генеральный секретарь ДПИК А. Касемлу, в сентябре 1992 г. от тех же рук в Берлине погиб новый генеральный секретарь ДПИК С. Шарафканди. Организуя эти покушения, исламское руководство Ирана сорвало начавшийся было переговоры с курдскими националистами об автономии Иранского Курдистана.

Однако в последнее время в иранском руководстве, где усилились позиции сторонников относительно либерального реалистического курса (президент Хатеми и большинство членов меджлиса), проявилась тенденция пойти на некоторые уступки курдскому населению в области культуры, образования и информационной политики, дабы снизить у него накал протестных настроений. При этом власти пытаются сыграть на этническом и лингвистическом родстве персов и курдов, якобы имеющих идентичные государственно-политические интересы. На этом основании курдам запрещено иметь представителей в меджлисе, хотя там есть депутаты от других неперсидских этносов (в том числе ассирийцев и армян).

Со второй половины 80-х в юго-восточной Турции заметно усилилось повстанческое движение, руководимое PKK. Регулярно совершались нападения на полицейские участки, жандармские посты, военные базы. Появились курдские камикадзе. Организационная и пропагандистская деятельность PKK перешагнула турецкие границы, влияние партии распространилось на значительную часть сирийских курдов (сам Оджалан со своим штабом переместился в Сирию). Активисты PKK развернули широкую агитацию среди курдской диаспоры в Западной и Восточной Европе в руководимой ими прессе и на курдском телевидении (MED-TV).

Со своей стороны турецкое правительство значительно ужесточило репрессии против курдов. Для этого были созданы специальные подразделения «командос», чинивших беспощадные расправы не только над курдскими мятежниками, но и над мирным населением и привлекавших для этого банды черносотенных погромщиков. Турецкие каратели распространили сферу своих антикурдских походов и на Северный Ирак, на территорию которого, преследуя отступавших курдских партизан, они углублялись на 20–30 км. Вообще события в Турецком Курдистане приобретали общекурдский масштаб, равно как и антикурдские акции всех ближневосточных правительств, вступивших между собой в специальный сговор по этому вопросу.

Об этом говорит и «казус Оджалана». Под нажимом Анкары в конце октября 1998 Дамаск отказал Оджалану в праве политического убежища. После нескольких дней скитаний по разным странам Оджалан был схвачен турецкими спецслужбами, судим и приговорен в июне 1999 к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением. Арест и суд над Оджаланом вызвал огромный взрыв недовольства, особенно в курдской диаспоре в Европе. Однако вскоре выяснилось, что курдское движение в Турции резко пошло на спад. Сам Оджалан призвал из тюрьмы своих соратников сложить оружие и вступить с правительством в переговоры на основе частичного удовлетворения их требований, что и было сделано: в Турции появилась курдская печать, радио и телевидение. «Казус Оджалана» показал, что левый экстремизм в курдском движении в Турции держался в основном на харизме его лидера, а не на объективной почве; с его уходом с политической арены восстание было обречено на поражение, а основные проблемы турецких курдов остаются

нерешенными.

Сокрушительное поражение Ирака в начале 1991, нанесенное ему руководимой США коалицией, созданной в связи с оккупацией Саддамом Хусейном Кувейта («Буря в пустыне»), ознаменовала наступление нового этапа в освободительной борьбе иракских курдов, хотя курдский вопрос занимал в этих событиях подчиненное место. В феврале 1991 в Иракском Курдистане вспыхнуло стихийное восстание, участники которого уповали на помощь США их союзников и в короткий срок освободили всю страну. Однако курды в очередной раз были принесены в жертву геополитическим интересам Запада, в данном случае США, которые не были заинтересованы в дальнейшей дестабилизации обстановки вокруг Ирака (главным образом в его курдских и шиитских районах) и поэтому позволили Саддаму потопить курдское восстание в крови. Одних беженцев насчитывалось 2,5 млн. Это было одно из самых страшных испытаний, которые выпали в новейшей истории на долю курдского народа, но похоже одно из последних.

Скоро американцы убедились в своем просчете. Сохраненный ими режим Саддама Хусейна вызвал всеобщее возмущение своими злодеяниями, в особенности против курдов, нежеланием считаться с мировым общественным мнением, источником повышенной опасности для региона и мирового сообщества. Над курдскими и шиитскими районами Ирака был установлен американо-английский воздушный зонтик – бесполетная зона для иракской авиации, введен режим экономических санкций (эмбарго), началась многолетняя конфронтация Ирака с мировым сообществом, но главным образом с США и Англией. В результате впервые в истории возникла благоприятная для части курдского народа, обитающей в Ираке, ситуация, позволяющая не на словах, а на деле добиться реализации своих неотъемлемых национальных прав.

В апреле-мае 1992 фронт Южного Курдистана, в который входили все основные курдские партии, организовал выборы в первый курдский парламент (национальную ассамблею). Около 90% голосов получили две главные курдские партии – ДПК и ПСК; голоса между ними разделились почти поровну. Руководители этих партий – Масуд Барзани и Джалал Талабани стали двумя неформальными лидерами страны. Было сформировано правительство и принята декларация о Федеративном союзе. Тем самым было положено начало курдской государственности и намечена структура государственного управления. Новая власть контролировала большую часть Южного Курдистана (55 тыс. кв. км из 74), называемую «Свободным Курдистаном». Под властью Багдада остались только нефтеносный округ Киркука, в котором проводилась политика арабизации и тюркизации (поддержка тюркского меньшинства туркмен против курдов) и территория севернее 36 параллели, прилегающая к Мосулу. «Свободный Курдистан» пользовался военно-политической и частично экономической (в рамках главным образом гуманитарной помощи) поддержкой США и их ближайших союзников, но не имел никакого международного юридического статуса. Это была, можно сказать, «полунезависимость» или автономия в полном объеме, что, однако, для курдов явилось несомненным прогрессом и важным шагом в борьбе за национальное самоопределение тем более, что на их стороне была самая могущественная держава современного мира – США и ее союзники.

Первые годы существования «Свободного Курдистана» оказались непростыми. При несомненных успехах в налаживании экономической жизни, решении насущных социальных проблем и в организации народного образования были допущены серьезные просчеты в создании здорового внутривнутриполитического климата. Сказался низкий уровень политической культуры, выразившийся в неизжитых представлениях традиционного общества, в первую очередь типично курдском партикуляризме и вождизме; худую роль сыграло провокационное вмешательство во внутрикурдские взаимоотношения Турции и Ирана, заинтересованных в дестабилизации Иракского Курдистана. В 1994 возник острый конфликт между ДПК и ПСК, вылившийся в длительную конфронтацию с использованием вооруженной силы.

Возникла угроза утраты иракскими курдами их достижений в борьбе за независимость и к чести активистов курдского движения в Ираке следует сказать, что они вовремя увидели эту опасность и смогли проявить реализм и здравый смысл. Начался процесс примирения, которому, исходя из своих интересов, всячески содействовали США. 17 сентября 1998 в Вашингтоне между Масудом Барзани и Джалалом Талабани было заключено соглашение о мирном урегулировании конфликта. На окончательную ликвидацию конфликта и согласование оставшихся спорных вопросов ушло довольно много времени, но в конце концов все разногласия были преодолены. 4 октября 2002 после шестилетнего перерыва в столице Южного Курдистана Эрбиле состоялось первое заседание объединенного курдского парламента. Было решено объединить и судебную власть, а также через 6–9 месяцев организовать новые парламентские выборы. ДПК и ПСК договорились совместно бороться за единый, демократический и федеративный Ирак. То был важный успех в многовековом стремлении курдов к свободе и самоопределению.

Список литературы

- Никитин В. Курды. М., 1964
- Аристова Т.Ф. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М., 1966
- Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972
- Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987
- Жигалина О.И. Национальное движение курдов в Иране (1917–1947гг.), М., 1988
- Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М., 1989
- Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990
- Васильева Е.И. Юго-Восточный Курдистан в XVII – начале XIX в. М., 1991
- Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991
- Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению (начиная с XVI века), часть I–II, СПб, 1996
- История Курдистана. М., 1999
- Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции (1986– 995). М., 2001